

названия *тверитяне* (оценивается как архаичное и официозное, даже если оно представляется говорящим «правильным») и *тверяки* (оценивается как грубое). Показательно, что иногда даже журналисты СМИ, в которых название *тверитяне* принято как нормативное, в бытовой речи склонны употреблять другие варианты.

При этом суждения, высказываемые местными жителями, могут демонстрировать смешение оценок, относящихся к разным вариантам. Чаще смешиваются названия *тверитяне* и *тверичане* (по причине фонетического сходства), иногда — *тверичане* и *тверичи* (по причине общего названия в ж. р.: *тверичанка*; кроме того, зачастую название в м. р. *тверичанин* употребляется как форма ед. ч. от *тверичи*).

Наличие нескольких вариантов нередко обуславливает их контекстуальную дифференциацию или закрепление за определенными речевыми ситуациями: например, *тверитяне* — в печати и в официальных контекстах, *тверичане* и *тверичи* — в нейтральной бытовой речи, *тверяки* — в оценочных суждениях, в частности, задействующих негативные стереотипы, которые связываются с местными жителями (показательно, что название *тверяки* в текстах нередко соседствует с амбивалентным локально-групповым прозвищем *тверские козлы*).

А. К. Байбурин

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург
abaiburin@yandex.ru

Контроль над личным именем в ранней советской традиции

Под личным именем в докладе понимается полная именная формула — фамилия, имя, отчество. Речь пойдет об официальных личных именах — тех, которые зафиксированы в метрических записях, свидетельствах о рождении, паспортах и других документах. Основные особенности таких имен — их полнота и неизменность.

По комментариям советских юристов, право на имя в советском законодательстве однозначно принадлежит человеку: «Право на имя — личное неимущественное право, неотделимое от личности». Однако

© Байбурин А. К., 2015

любое изменение официального имени возможно лишь в том случае, если оно допускается действующим законодательством. Другими словами, менять имя по своему усмотрению (вне официальных норм и практик) человек не может. Государственные установления, касающиеся имени, претерпели существенные трансформации. В этом докладе речь пойдет о том, как контролировалось официальное имя государством в довоенное время.

Несколько слов о предыстории. Начиная примерно с Петровского времени, официальные (т. е. записанные в метрические книги, крестильные) имена никаким изменениям вообще не подлежали. С высочайшего позволения могли быть изменены лишь фамилии дворян и почетных граждан; исключение делалось также для инородцев, принимающих православие: в таком случае они могли менять имена и фамилии на русские. Однако законом 1850 г. было запрещено изменение фамилии даже в случае крещения (в частности, евреев).

Советская эпоха началась с разрушения прежней традиции функционирования имен. Церковь лишилась права давать официальное имя и контролировать процедуру имянаречения. Эту роль взяли на себя родители и производственные коллективы, а регистрация имени стала осуществляться государственными органами ЗАГС.

В одном из первых декретов новая власть предоставила гражданам право «изменять свои фамилии и прозвища» (Декрет № 37, 1918 г.), но не собственно имена. Насколько сложно было изменить наследственное «фамильное прозвище» в прежнее время, настолько просто это стало в новых условиях. Менялись главным образом «социально опасные» фамилии, известные дворянские фамилии, а также просто неблагозвучные. Мотивировок сохранения запрета на изменение имен обнаружить не удалось. Между тем этот запрет в новой ситуации порождал сложности, причем не только для самих обладателей имен, но и для официальных органов.

В 1924 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР было разрешено менять не только фамилии и родовые прозвища, но и имена. По времени это постановление совпало с началом движения за новый революционный именник, которое стало составной частью борьбы с церковью за «нового человека».

Смягчение режима по отношению к перемене имени в 1920-е гг. сопровождалось попытками усилить идентификационные характеристики

документов и тем самым крепче привязать имя к человеку, дабы не допустить его перемены с преступными целями.

Безобидная, казалось бы, процедура изменения имени с самого начала оказалась под контролем НКВД, которым была издана подробная «Инструкция о порядке перемены фамилий (родовых прозвищ) и имен». Перемена имени и фамилии предстает в этом документе делом государственной важности, требующим особого внимания со стороны надзорных органов.

В 1930-е гг. для смены имени потребовались «веские уважительные причины». К таковым относились неблагозвучность фамилии, имени, отчества; трудность их произношения; желание супруга носить общую с другим супругом фамилию; и др. Если в 1920-е гг. возможность перемены имени мотивировалась тем, что через новое имя советский человек мог проявить свою новую (советскую) индивидуальность, то в 1930-е гг. эта возможность рассматривалась скорее как своего рода «исправление ошибок» и устранение несоответствий в семейных отношениях.

В конце 1930-х гг. особый контроль осуществлялся за именами тех граждан, которые относились к так называемым «инонациональностям» (в 1938 г. — поляки, затем — немцы, греки; во время войны к ним добавились уже вполне «свои» национальности — калмыки, чеченцы и др.). Им просто не разрешалось менять имена. Дело в том, что до апреля 1938 г. национальность записывалась со слов владельцев паспортов, и имена для НКВД были тем признаком, по которому вычислялась «истинная» национальность.

Даже такой заведомо неполный материал показывает, что изменение имени довольно жестко контролировалось со стороны государственных органов. Мотивировалось это не только соображениями учета граждан и борьбы с преступностью, но и проектом создания «нового человека», а также определением «правильной национальности».

Тем самым получается, что в интересующее нас время официальное имя принадлежит не только носителю, но и всем тем, с кем он вступает в правовые отношения, а также организациям и государственным структурам. Другими словами, сразу множество субъектов претендует на имя, которое, казалось бы, принадлежит конкретному человеку. Не случайно до сих пор прослеживается особое отношение людей к полным (официальным) именам. Как свидетельствуют

материалы собранных интервью, многие считают официальное имя если не чужим, то не вполне своим.

Е. Бартминьский

Университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин (Польша)
jbartmin@klio.umcs.lublin.pl

«Ani widu, ani słychu»: о семантической (а)симметрии зрения и слуха

Доклад посвящен сравнению двух типов восприятия — зрительного и слухового. Вынесенные в заголовок слова «Ani widu, ani słychu» <Не видно, не слышно> предполагают равнозначность зрения и слуха как двух базовых для человека источников информации о мире. Многие ученые подчеркивают преобладание зрения как источника знания (В. Н. Топоров обращал внимание на то, что слова *wiedzieć* <ведать> и *widzieć* <видеть> находятся в этимологическом родстве), однако открытым остается вопрос о типе знания, полученного путем смотрения и слушания.

Вопрос, на который я постараюсь ответить, звучит так: как отражают языковые данные кажущуюся равнозначность функций г л а з а и у х а, з р е н и я и с л у х а, в и д е н и я и с л ы ш а н и я?

Некоторые основные параметры обыденной концептуализации акта зрительного и слухового восприятия оказываются общими и лексикализуются параллельно. Это касается: 1) самого акта восприятия; 2) объекта восприятия; 3) субъекта; 4) зрительного (*глаз*) и слухового (*ухо*) инструмента; 5) возможности чувственного восприятия (видимость и слышимость).

В определенном смысле параллельны параметризованные акты в и д е н и я и с л ы ш а н и я. Одинаково характеризуется способ получения субъектом зрительных и слуховых впечатлений, дифференцируется активный или пассивный механизм восприятия (*widzieć* и *słyszeć* <видеть, слышать>) или активное действие (*patrzeć* и *śłuchać* <смотреть, слушать>: *któs widzi coś / kogoś* — *któs patrzy na coś / kogoś*;